

Культура. — 1999 — 4-10 февр. — с. 12

Последний формалист Сергей Мартинсон

В 1932 году один известный театральный критик на его вечере со стыдом признался: "Прочитав всю литературу о нем, довольно солидную и обширную, я вынужден прийти к выводу, что о Мартинсоне ничего не сказано". С тех пор прошло более полувека, но ситуация мало изменилась. 6 февраля исполняется 100 лет со дня рождения Сергея Мартинсона, но серьезных книг о нем нет, и теперь уже вряд ли будут.

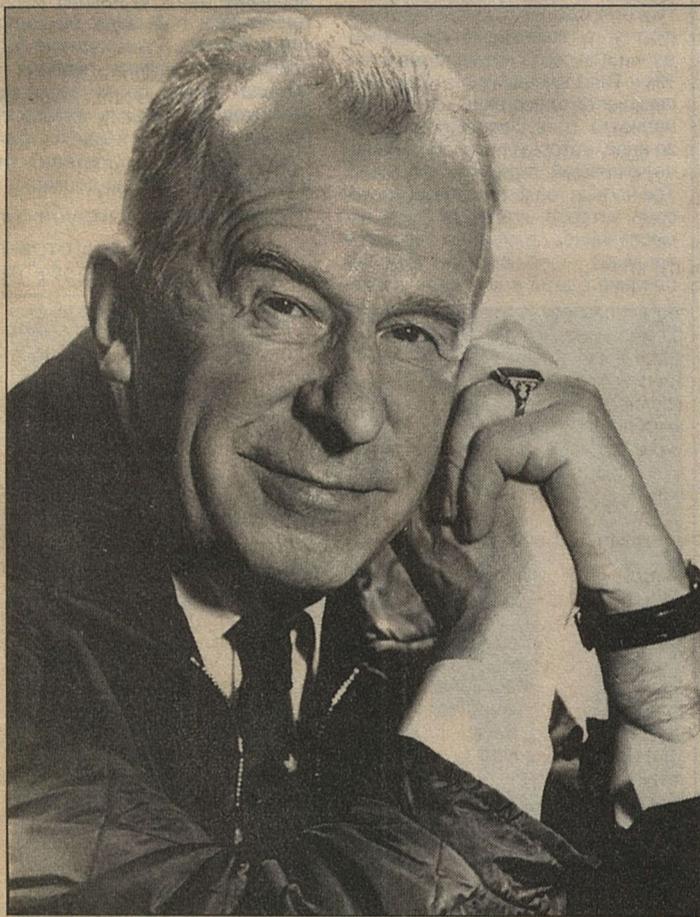

Фото ГИТР-ОВАЧЕСОВА

Никаких проблем?

Когда Мартинсону было 70 и знаменитый ведущий "Кинопанорамы" Алексей Каплер спросил у него: "Как это тебе, Сергей Александрович, удалось так сохраниться?", — ответ последовал мгновенно: "Я всегда был человеком легкомысленным и никогда не делал того, чего мне делать не хотелось". Такой поворот беседы телевизионное начальство сочло... легкомысленным, и эпизод из юбилейной передачи вырезали.

Когда Мартинсону было уже 80 и журналист задал ему банальнейший из банальных вопросов: "Если бы можно было начать сначала, стали бы вы актером?" — Мартинсон сначала поинтересовался, что на это отвечают коллеги. Узнав, что клянутся в верности своей профессии, грустно заметил: "Значит, у них была легкая жизнь в искусстве. Я бы не торопился с ответом". Вот так. С одной стороны, был легкомыслен и производил впечатление человека, у которого нет проблем, с другой — и его душу глодал иногда червь сомнений. Между жизненным легкомыслием и профессиональной драмой и пролегла судьба первого комика и эксцентрика советского кино.

Эксцентрик литературный Виктор Шкловский как-то изрек: "На дне искусства гнездится веселость". Это самое "дно" король гротеска Мартинсон исследовал вдоль и поперек, не слишком забывая о том, будет ли его титанический труд официально оценен. Ему было довольно, что на улицах с ним здороваются, а официанты знаменитого ресторана ВТО провожают его под белы руки за "мартинсоновский" столик. Звание заслуженного получил в 50 лет, народного России ему дали в 65, к 80-летию вручили орден Трудового Красного Знамени. "Народного СССР" власти его так и не удостоили, несмотря на истинно народную любовь зрителей. Наверное, потому, что комик, и потому, что играл одни отрицательные роли, "врагов" то есть. Лишь однажды ему достался положительный персонаж — угольщик Филипп в фильме "Алые паруса".

Он родился в Петербурге, в семье инженера-строителя, выходца из Прибалтики, 6 февраля 1899 го-

да, когда век XIX переваливал через хребет в век XX. Родители театр обожали и, видя, как Сережа млеет от восторга в темноте зрительного зала, с удовольствием брали его с собой — и в драму, и в оперу, и в балет.

В школе Сергей играл в театральной студии. Прочувшись год в Технологическом институте, окончательно и бесповоротно решил стать актером. На вступительном экзамене в Институт сценических искусств читал монолог — ни больше ни меньше — Бориса Годунова. Приемная комиссия плакала от хохота, но принять его категорически отказалась. И только по настоянию знаменитого педагога Н. Петрова Мартинсон стал студентом.

От Снегурочки до ведьмы

Страсть к перевоплощению, причем эксцентричному по максимуму, стопроцентному, видимо, была частью природы Мартинсона. В детстве он любил изображать женщин при помощи маминых туфель, платьев и платков. Первой его ролью в пять лет стала Снегурочка на рождественской елке. Это было очень смешно, но потом Сережа расплакался, отказавшись изображать девочку впрямь, и заплаканную Снегурочку отнесли спать. Кстати, одной из последних ролей Мартинсона стала тоже женщина. В 80-х в своем "Бенефисе" на ТВ он сыграл ведьму. А в начале 20-х в Театре "Вольная комедия" в Ленинграде он с большим успехом у зрителей изображал балерину-неудачницу. Она все время падала и спотыкалась, путаясь в собственных ногах. Возможно, уже тогда это были те самые "виртуозные ноги, обработанные американским танцем", о которых скоро с восторгом напишет режиссер Леонид Трауберг.

Через год они встретились в мастерской ФЭКСОВ, и Мартинсон сыграл свою первую роль в кино в фильме Григория Козинцева и Леонида Трауберга "Похождения Октябрини". Мартинсоновский министр-интервент Кулидж Керзоневич Пуанкаре высказывал из пивной бутылки напмана, как черт из табакерки, и несся по экрану в голову кружительно-ракурсе.

По одной из легенд, Мартинсон

прослыл мастером эксцентрики, сыграв Хлестакова в спектакле Мейерхольда "Ревизор". Хотя кто его знает? Может быть, как раз наоборот: за природную пластическую виртуозность и пригласил его Мастер в свой спектакль. Это был третий знаменитый Хлестаков в Русском театре — после Михаила Чехова и Эраста Гарина. — Хлестаков, как восторженно написала критика, сыгранный "просто по Гоголю", "человек ничтожнейший, пышка невесомая". Он как бы парил над сценой, "был почти нематериален; голова вот-вот отделится от корпуса, руки жили своей жизнью, речь рассыпалась на междометия, внезапные выкрики, шепоток, скороговорки... Хлестаков растворялся, исчезал, завивался в пустоту". В 1930 году на гастролях Театра Мейерхольда Мартинсон — Хлестаков удостоился рукоплесканий самого театрального Парижа.

Все роли Мартинсона в кино поразили соединением вещей контрастных — странного и смешного, симпатии и шалости, сатиры и романтики, отвращения к персонажу и восторга от того, с каким блеском сочинен образ. Мартинсон оставался собой, надевая любую маску. Всегда был умнее своих персонажей. И не случайно любил говорить, что комик — это не тот, кто умеет рассмешить, а тот, кто способен посмеяться вместе с другими.

Маникюрные ножницы

"Да ты же дурак, король дураков!" — писали о Сметаниче Мартинсона в спектакле Мейерхольда "Мандат". — Ты весь склеен из пуштыков, свинчен из глупостей. Ты, скорее, похож на маникюрные ножницы, чем на человека". Мартинсон обладал богатейшей коллекцией этих героев — маникюрных ножниц, и спутать одного с другим было просто невозможно. В фильме Якова Протазанова "Марионетки" это был парикмахер Соль, которого принимали за короля. В фильме "Подвиг разведчика" Б.Барнета — Вилли Поммер, мот, кутила и олух, с которым Кадочников пил "за нашу победу". Пожалуй, этот дурак Мартинсона оказался и самым идеологичным из его созданий: глядя на него, всякого советского человека должна была переполнять гордость — такого врага мы не имели права не победить. Кстати сказать, именно Мартинсон первым в советском кино сыграл Гитлера — в "Новых похождениях Швейка" Сергея Юткевича. С удовольствием после рассказывал, что Гитлер, увидев себя на экране (где? когда?), внес актера в свой личный "черный список" и пообещал повесить на первом фонаре. После роли композитора Керосинова в картине "Антон Иванович сердится" (того, что сочинял свою "Физиологическую симфонию в четырех пароксизмах" на мотив детской песенки "По улицам ходила большая Крокодила") слава буквально бегала за Мартинсоном по пятам — мальчишки во дворе улюлюкали ему вслед: "Бензин-Керосин идет!" А был еще поющий-танцующий телеграфист Ять из классической "Свадьбы" Исидора Анненского, невыявляющий Бони в старой версии оперетты "Сильва", непробиваемый бюрократ Миусов из "Безумного дня", который чуть не доводил до помешательства милейшего ясельного завхоза Игоря Ильинского, еще одного знаменитого мейерхольдовского актера; был Лебедев из пырьевского "Идиота", глаза которого зажигались алчным огнем, когда Настасья Филипповна бросала в огонь пачку ассигнаций.

С годами в кино победившего социализма актеру-эксцентрику Мартинсону оставалось все меньше места. Не было бы счастья, да несчастье помогло. И знаменитые советские сказочники Птушко и Роу обрели идеального актера на роли всевозможных несимпатичных типов. Пожалуй, самыми знаменитыми сказочными персонажами актера стали Дуремар, продавец пивок из "Золотого ключика", рыжий боярин-заговорщик из "Сказки о царе Салтане", злой волшебник из "Сказки о потерянном времени".

Я узнаю вас: Вы тень

В жизни Мартинсон всегда выглядел мужчиной в самом расцвете сил, щеголем, жизнелюбом, ловеласом, настоящим кавалером. И только очень близко знавшие его замечали, что ходить с годами он стал чуть медленнее, а улыбаться — чуть меньше. Кто-то, наверное, вообще удивлялся, что он еще жив. И мог бы, казалось, встретив его на улице, обратиться к нему с репликой из давней пьесы, в которой Мартинсон играл: "Я узнаю вас... Вы — человек двух измерений. Вы — тень". Но что бы сказал этот циник, узнав, что на съемках фильма Игоря Масленникова "Ярославна, королева Франции" актер сам ездил на лошади? В 80 лет!

В одном из последних интервью Мартинсон вдруг разоткровенничался, рассказывая, как на экране пел, танцевал: "А вот любить, увы, не пришлось. Ни мне кого-то, ни меня кому-то. Я вам больше скажу: даже не помню, чтобы меня хоть раз поцеловали на сцене или экране. Так и остался в искусстве... нецелованным". Потом помолчал и добавил: "Зато я любил... за кадром. А это куда интереснее".

Официально женат Сергей Мартинсон был дважды. Как рассказывал в телепередаче "В поисках утраченного" Глеб Скороходов, его первой женой была балерина. Их, как и многих кинозвезд тех лет, часто звали на приемы в посольства. Сергей Александрович много работал и по посольствам не ходил, а она бывать там любила — в итоге ее обвинили в шпионаже и посадили. Он исправно носил ей передачи, пока не узнал, что ее не стало. Вторая жена Мартинсона, Луиза, была много моложе его, их познакомил в Одессе Павел Кадочников, на съемках фильма "Подвиг разведчика". Она родила ему дочь Наташу. Смешная, шальная, несомненно, способная, дочь унаследовала не только папин нос, но и папины отвагу и легкомыслие. Училась в Щукинском училище на актрису, там ее звали "Мартини". Немного снималась, немного выступала на эстраде. Ее самой известной ролью стала, пожалуй, роль в папином "Бенефисе", снятом Евгением Гинзбургом. Говорят, Мартинсону эта передача очень нравилась. Сейчас Наташа в Америке, уехала по любви, у нее двое детей.

Дядюшкин сон

За всю жизнь Мартинсон сыграл не так много классических ролей. Конечно, он был достоин больше. Но с ролью престарелого князя в "Дядюшкином сне" Достоевского столкнулся даже трижды. С одной стороны, мистика, с другой — кто, кроме Мартинсона, способен был сыграть роль этого "полупокойника, которого забыли похоронить", но который говорит о любви вдохновенно и неясно, как юноша? Впервые он сыграл Князя в Театре-студии киноактера, где служил до самой смерти, в спектакле Николая Плотникова в 1956 году. Во второй раз это случилось в 1967-м в кино — у Константина Воинова (автора незабываемой "Женитьбы Балзаминова") в паре с Лидией Смирновой. А в начале 70-х он мог бы сыграть эту роль в Театре Маяковского. Его пригласила сама Бабанова. Но то ли фортуна опять повернулась спиной к этой знаменитой, но после Мейерхольда недооцененной актрисе, то ли Мартинсон опять проявил свой эксцентрический характер... Спектакль не состоялся.

Пожалуй, только перед самым уходом, в 84-м, в последнем лето старости, Мартинсон проговорился о том, что, в сущности, понимал всегда: "В актерском деле опасно не излишество изобретательности, а серость, не изощренность во внешнем рисунке, а его расплывчатость и вялость, не обостренная выразительность, а унылое правдоискательство". В этих словах легкомыслия не было вовсе, скорее, невидимые миру слезы.